

Я ИДУ ПО КОВРУ
ПОКА ВРУ

АНДРЕЙ КУЗНЕЦОВ-ВЕЧЕСЛОВ

Я иду по ковру

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
К89

Кузнецов-Вечеслов А.

К89 Я иду по ковру : [роман] / Андрей Кузнецов-Вечеслов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 447 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

Андрей Кузнецов-Вечеслов (р. в 1951) — российский балетмейстер, режиссер, сценарист, актер. Сын артистов балета Татьяны Вечесловой и Святослава Кузнецова. После окончания Хореографического училища им. А. Я. Вагановой поступил в труппу Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне Мариинского). Рано заявил о себе как хореограф. В 25 лет стал главным балетмейстером Петрозаводского театра оперы и балета. Автор поэтических текстов, пьес, сценариев. «Я иду по ковру» — его первый автобиографический роман.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-04655-0

© Кузнецов-Вечеслов А. С., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Идет любительское обозрение
В любительском, к тому же, исполнении.
Я тоже труд любителей делю:
Я поднимать им занавес люблю.

*И. В. Гёте. Фауст**

* Перевод Б. Л. Пастернака.

УВЕРТЮРА

Из-под моих ног туда, вперед, развернут широкий ковер. Шаг по нему мягок, комфортен, впечатляюще невесом. Ковер, устремляясь по центру зрительного зала, переваливает через рампу, набухающую теплым светом. Там вот-вот проснется действие. Под мерцание гаснущей люстры гул зала замирает. Рампа желтоватой, блекнувшей выше полосой высвечивает роскошь сине-серебряного, с охряными бликами занавеса, который и не занавес вовсе. Это художник, влюбившийся, как полагалось на переломах века, в невозможное, написал по памяти подол юбки Императрицы, мелькнувший перед ним в сновидении.

Так все, что происходит под льющуюся в свете рамповых огней музыку, собирается и начинается за Ее подолом. И вот занавес приподнимается. Я иду по ковро...

...Ты идешь, пока врешь, вы идете, пока врете, мы идем...

...Но, идучи, я, как и все остальные, не могу начать сначала. Этого начала я просто не помню, хоть и понимаю — оно во мне, где-то в «спецхране». Ведь если в материнской

утробе тело мое пережило «ряд волшебных изменений» от проекта рыбы до самого себя, то ведь и душа моя, должно быть, проходила первые свои уроки, облекаясь плотью, хоть это звучит несколько патетично. Но все же так, наверное, бывает с каждым, кто, по определению Фигаро, дал себе труд родиться.

Так что же происходило в самом моем начале, в водах предрождения? Что было до поднятия занавеса?

По признанию участников событий, закладка меня произошла на прибалтийском курорте, который теперь заграница. И что? А если бы это случилось в саваннах Африки под ослепительным прожектором экваториальной луны и под вопли вышедших на охоту гиеновых шакалов, то я был бы талантливее? Нет? Отчего я такой, какой есть? Мама выходила на сцену со мною в себе. Мама крутила тридцать два фуэте в балете «Дон Кихот», я крутился в ней. Крутился таким неутвержденным членом отряда космонавтов в не изобретенной еще центрифуге — и как это повлияло на мои умственные способности? Может быть, мне не стоило так рано выходить на сцену театра в маме, в женских партиях?

Не могу сказать, не помню.

Но он был — путь, по которому каждый из нас прошел, следовательно, он часть меня, того, которого я, даст бог, разгляжу когда-нибудь. Разгляжу и опишу его жизнь и мнения, как нового Тристрама Шенди.

А сейчас перейдем к следующей стадии. Но и здесь придется опираться на посторонние заверения, поскольку я совершенно не помню, что...

...Я дал себе труд родиться в апреле середины века в Императорском клиническом повивальном институте, который к моменту моего появления на этих страницах, как и все выжившее императорское, стал совслужащим и, утра-

тив помпезное название, был известен как клиника Отта. Но попасть туда было все же престижно, солидно и, как сейчас сказали бы, статусно. Там лежали всякие заслуженные тети, жены заслуженных дядей, всерьез относящихся к возможности получить наконец заслуженного ими наследника.

Упомянутая клиника фактом своего возникновения в 1904 году в центре Биржевой площади, к сожалению, на смерть угробила эту площадь, одну из лучших архитектурных композиций города. Площадь была «убита», но ради «храма» деторождения, который и стал «кузницей» демографического прироста избранных семейств.

Годы были послевоенные, населения, особенно мужиков, за войну поубавилось, и рук на светлое будущее катастрофически не хватало. Так что, воплощенный социализм объявил соцсоревнование папе римскому и запретил аборты на территории всех своих составляющих.

Конечно, любой закон родины славен исключениями из него. Матушка, как ведущая балерина театра им. Безжалостно Убитого Вождя, на такое исключение право имела, но возраст для родов приближался к критическому, и, не желая терять последний шанс, она решила родить, как и смертные соотечественницы, но ей потребовался, естественно, лучший роддом.

Основатель клиники Дмитрий Оскарович Отт — выдающийся врачеватель рожениц, не только первый вливал физраствор в обескровленных мам, не только сконструировал зеркала для влагалищных операций, но, будучи тонким ценителем душевных состояний женщины, вливал в пациенток духовные силы в самый момент родов божественным звучанием Иоганна Себастьяна Баха. Для чего в больнице был сооружен орган (в данном гуманитарном аспекте, по сути, — орган), который с 1904 года озвучивал демографическую поэму города.

В тридцатых его перевезли в зал больших концертов. Как всегда, не вовремя. Поскольку мои жизненные проблемы, очевидно, связаны с отсутствием органного сопровождения родов меня на свет. Естественно, если бы я выжимался в мир под органную музыку, то я был бы высок, нравственно блондин, *непилнекурилникогда*, стал бы доктором физики, богословия и народным артистом эстрады.

Но дело даже не в органе. Представим себе, что в начале пятидесятых страна купается в волнах такой же демократии, как в девяностых. Мы с родителями заходим втроем, скажем, в рюмочную, и я — в маме — беру слово:

— Дорогие мама и папа! Пока вы еще — не Мама и Папа, предлагаю вам всерьез задуматься о последствиях. Не то чтобы мне не хотелось от вас родиться, вовсе нет, но, поскольку отсюда, из мамы, мне лучше видно, чего вообще будет, то, как еще не состоявшийся сын, но неизменно преданный друг, предлагаю достойно разойтись без всяких претензий, сохранив взаимные самые теплые воспоминания. Прошу голосовать!

Думаю, при раскладе голосов два к одному мое предложение прошло бы. Папа проголосовал бы за меня. Просто из доверия. Он всегда мне верил.

Сам процесс моего появления на свет не стал комфортнее от протекания в номенклатурной больнице. Танцовщикам вообще трудно даются дети в силу профессии, а тут еще совершенно нестандартные возрастные параметры. Маме сорок, то есть она — по тем временам — подошла к возрастному пределу. Отцу — двадцать. С точки зрения нормального гражданина — типичная театральная авантюра.

Роды были длинные, с большой кровопотерей, из которой я вынырнул под утро и все забыл.